

A microscopic view of plant cells, likely from a leaf, showing a honeycomb-like structure of hexagonal cells. The cells are filled with a dark, iridescent liquid that reflects light in shades of blue, green, and purple, creating a shimmering, ethereal effect. The overall color palette is dominated by deep blues and greens, with bright highlights from the iridescence.

Станислав Гриченко

*Канувшие
в вечность*

Станислав Гриченко

Канувшие в вечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69005512

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник рассказов из серии "Странности". Причудливое переплетение крылатой фантазии и приземлённой действительности. События реальной или возможной истории, чудачки, действующие в необычных обстоятельствах среди обычных людей.

Содержание

Тупиковая реальность	4
Реликт	15
Летуны	33
Что-то с памятью	44
Канувшие в вечность	50
Влюбленная Маа	66

Станислав Гриченко

Канувшие в вечность

Тупиковая реальность

Взрослые люди – те же дети, им так хочется верить в сказку, так хочется, чтобы произошло чудо, в Новый год – особенно!

Был волшебный зимний вечер. После сильно затянувшейся слякотной погоды и декабрьских дождей, на землю ложился настоящий пушистый снег. Природа торжествовала победу: за осень положено быть зиме, и вот – она наступила!

Всего несколько часов оставалось до Нового года. Чудаков возвращался домой, прихватив по пути в палатке фруктов. Настроение, однако, у него было не совсем праздничное. Давил груз нерешенных проблем, и с первых дней нового года ничего хорошего не предвиделось.

Свернув к своему дому, он открыл калитку и, поднявшись на крыльцо, задержался – кто-то старательно и от души, явно нетрезвый, выводил: «Я уехал, я уехал в Петербург, Петербург, ... а приехал в Ленинград!», потом певца занесло дальше: «Лондон – Париж...» и, наконец, солисту захотелось чего-то родного, из глубин: «Мы поедem, мы помчимся на оле-

нях утром ранним...»

Песня приближалась и, наконец, Чудаков увидел на пустынной улице самого певца – Деда Мороза с посохом в руке и мешком за спиной, как положено, с белой бородой и усами, но без шапки, дедушка был лыс, и лысина его блестела в свете уличного фонаря. Шагах в десяти за ним, стараясь догнать и застревая в снегу, семенила и порой переходила на бег долговязая Снегурочка. В руках она несла шапку Деда Мороза, но в отличие от дедушки внучка не пела, а хихикала и время от времени стонала: «Ой, не могу!». Чудакову стало интересно, куда дальше заведет Деда Мороза песенный репертуар, но после «олений» солиста «зациклило»: он возвратился в «Петербург – Ленинград». Соседские собаки оживились, с опозданием выбравшись из теплых будок, скоро их лай перекрыл пение удалившегося перезрелого таланта.

Войдя на застеклённую веранду, Чудаков открыл следующую дверь и оказался в прихожей.

– Это ты, Андрей? – раздался голос жены Татьяны.

Из кухни доносились звуки работающего телевизора, шум воды и шипенье чего-то на сковородке, дразнили запахи зарождающегося новогоднего стола. Чудаков разделся и, передавая жене пакет с фруктами, поинтересовался:

– Я тебе нужен?

– Здесь – нет, справлюсь сама, – ответила Татьяна, – перекуси, отдохни немного и начинай ставить ёлку!

За долгие годы совместной жизни супруги не надоели

друг другу, Новый год, по традиции, встречали вдвоем. Дети выросли и жили отдельно, с поздравлениями их ждали только первого января к вечеру.

Чудаков заварил себе на кухне чашку кофе и, прихватив бутерброд с ветчиной, прошел в зал на второй этаж. На журнальном столике лежали свежие газеты, и Андрей принялся их просматривать. Заголовки напоминали о недавней победе на выборах мэра и депутатов городской думы партии Светлого Будущего – ПСБ.

Благодаря услугам мастеров пиара, партия получила большинство мест в думе и должность главы администрации города для своего сторонника. Другая партия – РАДУГА, за которую голосовал Чудаков, оказалась в меньшинстве, несмотря на то, что предлагала урезать аппетиты монополистов и реально помочь малому бизнесу.

На первой полосе городской газеты: «ПСБ выполняет обещания!». В середине газеты – маленькая заметка о повышении тарифов на газ, электричество и воду. Здесь же – об увеличении платы за аренду земельных участков и повышении с нового года местных налогов для предпринимателей.

Выпив кофе, Чудаков принес из чулана и распаковал ожидавшую с прошлого года своего часа искусственную ёлку и начал её собирать. Занятие прервала жена:

– Прости, пожалуйста, Андрей, придется тебе сбегать в магазин – нужна баночка кукурузы и масло!

– Ничего, Танюша, погода прекрасная, с удовольстви-

ем прогуляюсь, – ответил Чудаков, радуясь поводу ещё раз пройти по заснеженной дороге своего тихого нового микро-района, окунуться в доброжелательную суету супермаркета.

Открывая дверь на улицу, он вдруг почувствовал легкий толчок воздуха в грудь и услышал странный хлопок, будто пробка вылетела из бутылки с шампанским. Чудаков вышел за ворота, но так и не обнаружил причины и источника звука.

Народ в магазине был вроде Чудакова – в основном мужчины, отправленные женами и подругами сделать последние перед Новым годом закупки продовольствия, чтобы, встретив Новый год, по укоренившейся с советских времен привычке, дня два не ходить в магазин вовсе. Возвратившись к своему дому, Чудаков, как в первый раз, услышал песню, только на этот раз звучал не тенор, а приятный баритон: «Степь да степь кругом, путь далёк лежит...». По улице снова шли Дед Мороз и Снегурочка. Но ЭТОТ Дед Мороз был выше ростом и солидней, в высокой шапке, а Снегурочка, наоборот – маленького роста.

Войдя в дом, Чудаков обнаружил какие-то, почти неуловимые изменения в интерьере. Как будто переместились с привычных мест некоторые мелкие вещи, ярче выглядел ковёр на полу, да и букет запахов из кухни был другим. Отдавая жене покупки, Чудаков заметил, что на ней другой халат. В зале его встретил запах хвои и удивительная новость: вместо искусственной ёлки такого же размера живая лесная краса-

вица! Чудаков попытался было узнать у жены насчет ёлки, но Татьяна, занятая на кухне, его не услышала.

Новым оказалось содержание газет: «Партия РАДУГА, победившая на выборах, выполняет свои обещания: заморожены тарифы на газ, электроэнергию и коммунальные услуги, вдвое снижены базовые ставки единого налога...».

«Вот те на! Приятная новость! Как же это?» – пораженный Чудаков включил телевизор. Корреспондент брал интервью у известного политика, и тот рассказывал о ближайших планах победившей на федеральных выборах партии РАДУГА: увеличение доходов населения, создание среднего класса.

Андрей нацепил на ёлку гирлянду, навесил игрушки и мишуру. Включив гирлянду в розетку, полюбовался своей работой, потом выглянул в окно и, заметив, что снег больше не падает, решил выйти во двор, расчистить дорожку.

Открывая дверь на улицу, он снова ощутил толчок воздуха и услышал хлопок. «Что же, всё-таки, это такое?» – продолжал удивляться Чудаков.

Осмотр веранды, двора и ближайших окрестностей ничего дал. На улице было тихо, даже собаки помалкивали. Раскидав снег, Андрей вернулся в дом.

На этот раз всё в доме показалось Чудакову более тусклым. Войдя в зал, он обнаружил наряженную искусственную ёлку. Заголовки в газетах прославляли партию Светлого Будущего и её дальновидных руководителей, работающий те-

левизор вещал о том же.

Жена закончила работу на кухне, и пока она плескалась в ванной, Андрей погрузился в размышления. Поделиться странными наблюдениями с женой он не мог: ещё сочтет за ненормального! Чудаков любил фантастику, многие понятия из этой области стали привычными, как сотовые телефоны и CD-плееры.

Даже физики не отрицают существование параллельных миров и возможности проникновения в них. Помимо реально существующих трёх пространственных координат и четвертого измерения – времени, вполне может существовать пятое измерение, своеобразный «туннель перехода» через искривленное пространство в другие реальности. А что, если эти – толчок и хлопок, это самое, пятое измерение?...

Трёп самовлюбленных политиков надоел, Андрей стал переключать телеканалы, пропустил неугомонного Максима Галкина, неутомимого исследователя загадочной русской души Михаила Задорного и остановился на «Иронии судьбы» – вечной сказке, без которой немислим ни один Новый год на российских просторах. Оставив Татьяну «чистить пёрышки» после ванной, Чудаков сходил в подвал за дровами, сложил их в камине, чтобы позже только поднести спичку и поджечь.

Забравшись в ванну в свою очередь, Андрей размягчено продолжал размышлять о странностях сегодняшнего вечера. Время приближалось к полуночи, и скоро переодетые во

всё чистое и свежее, супруги, как матросы перед решающим сражением, сидели за столом и ожидали наступления Нового года.

Зажгли свечи, выпили вина за Старый год. Помянули недавно ушедшего питерского друга Игоря: случился сердечный приступ, упал, не дойдя самую малость, до своего дома. Прохожие решили, что пьяный, скорая прибыла слишком поздно...

Потом, с боем кремлевских курантов, открыли бутылку шампанского, и хлопок пробки напомнил Чудакову его переходы через веранду: «Надо бы ещё попробовать, проверить...» Под ёлочкой «нашли» подарки от Деда Мороза. По телевизору уже безудержно веселились участники «Голубых огоньков» и «Кривых зеркал».

Пытались позвонить в Питер, жене Игоря Елене, другим друзьям и родственникам, но телефон, как заколдованный, на все попытки отвечал бесстрастными короткими гудками. Оставив Татьяну у телефона, Андрей вышел на крыльцо. И опять, при выходе на крыльцо – толчок воздуха в грудь и хлопок.

У соседа напротив – шумная компания, песни и танцы. В небе светло от ракет. Постояв немного, Чудаков вернулся в дом.

Татьяна, в новом платье (успела переодеться?), с телефонной трубкой в руке, подзывала его к себе:

– Это Лена! Сама дозвонилась, возьми трубку, я уже по-

говорила.

Андрей услышал неожиданно очень весёлый голос Лены, поздравление с Новым годом, механически отвечал ей, и вдруг:

– Тут у меня Игорь трубку вырывает...

– Но как же... – Чудаков чуть не упал...

– Да, мы сами ещё в себя прийти не можем, представляешь, опоздай скорая на 10 минут и всё, конец! Спасибо соседу Виктору Петровичу – заметил, что Игорю плохо!

– С Новым годом, Андрюша! – такой знакомый, чуть хриловатый голос Игоря, – живы будем, старик, встретимся, приезжайте к нам летом с Таней...

Были другие звонки – развёрзлась мобильная телефонная сеть! Но этот звонок, голос Игоря, которого не было (не должно было быть!) на свете, потряс Чудакова. Чтобы немного успокоиться и прийти в себя, Андрей налил себе водки и разом выпил.

Зажёг дрова в камине. Включил компакт-диск Глена Миллера. Танцевали с Татьяной под музыку из «Серенады солнечной долины». Незнакомый запах духов Татьяны, чарующая «Serenade in Blue» – всё было как в сказке...

...Не нашёл Чудаков знакомой родинки на левом бедре жены, но зато обнаружил неизвестную – под правой грудью. Потом они сидели в креслах у камина, смотрели на огонь, болтали о пустяках. Волшебная Новогодняя ночь заканчи-

валась...

Чудаков проснулся неожиданно, как от звонка. Сон пропал. Андрея снова потянуло на улицу. Тихонько одевшись, он спустился вниз и вышел из дома. Тот же эффект, что и раньше: при выходе на крыльцо толчок в грудь и хлопок.

Двое мужиков в оранжевых жилетах топтались у калитки, тот, что постарше, недовольно ворчал:

– Прямо беда с этими туннелями. В Новый год покоя нет, снова ворота надо закрывать! Вот, нашёл, здесь они, прямо на входе в дом образовались...

– Послушай, друг, ты из какой реальности? – обратился младший к Чудакову.

– Да не в курсе он, не видишь разве, что спрашивать, наведи на него пушку, проверь!

– Так,... 986-я, тупиковая!

– Тупиковая, говорите... А сами вы, из какой? – обиделся Чудаков.

– Ну, допустим из 1305-й! Тебе-то это зачем? Всё одно – забудешь.

– А у вас – не тупиковая?

– У нас нет, тебе такая реальность и не снилась!

– А как же мы, в 986-й, пропадём, исчезнем, что ли?

– Может ещё и переломите, попадете в струю прогресса, от вас всё зависит. Вот ты побывал в 985-й, там справились, а совсем недавно тоже тупиковыми были. Измениться надо самим, чтобы жизнь стала другой. А нет – худо будет! И вре-

мени у вас в запасе лет 10 – 15, не больше.

– А когда я был, как вы сказали, в 985-й, вместо меня в нашей реальности кто-нибудь был?

– Конечно, твой двойник!

«Вот дела, – подумал про себя Чудаков, получается, и у Тани двойник!? И Игорь жив, в этой самой 985-й ...»

– Я мог бы остаться в 985-й?

– Что, совсем плохо у вас?

– Да нет, жить можно.

– Если хочешь – оставим, только времени на размышление у тебя нет, решай сразу!

«Да как же это я, а Таня, дети!?»

– Нет, не надо. Это я так, гипотетически... Разберёмся со своей, тупиковой, может, что и исправим...

– Тогда, всё, приятель, удачи тебе, топай в свою реальность, закрываем ворота. Думай при переходе о главном, вдруг, что и вспомнишь!

«Надо измениться, не то – гибель! Измениться и изменить, а то – конец всему!» – Чудаков переступил порог веранды, ощутил толчок в грудь, раздался уже ставший за новогоднюю ночь привычным, хлопок.

– И что, вправду вспомнит? – спросил молодой старшего напарника.

– Забудет... Ну, разве что во сне увидит. Так ведь сон – он и есть сон.

«Надо измениться, не то будет плохо... – подумал Чуда-

ков, потоптавшись на веранде и возвращаясь в дом, – Откуда это? Странно! Что это я тут брожу? Так хорошо встретили с Танюшей Новый год... Пять утра. Пойду посплю ещё!»

Андрей вернулся в тёплую кровать, к спящей жене, но уснуть сразу не удалось. «Что значит: измениться? Относится ли это только к нему, его близким? И как измениться: стать добрее и мягче, а может, наоборот, требовательней к себе и другим, жёстче? А как изменить окружающий мир? Ведь от самого Чудакова мало что зависит...» Мысли становились всё туманней и расплывчатей...

Приснилось Андрею, что сидят они с Игорем вдвоём в увитой диким виноградом беседке, потягивают сухое вино, говорят о пустяках и слушают записанные еще в Свердловске на студенческом вечере песни Александра Дольского. Магнитофон – старый, катушечный, «Орбита», Игорь привёз его из Питера.

И мама ещё жива...

Реликт

– Ты только погляди, Игорь, какая туча! Не успеете за город выехать – дождь польёт. А ещё передавали, что ветер будет сильный, и даже смерчи...

– Ну вот, ма, опять пугать начинаешь! Что я, сам не вижу: туча на горизонте, и не такая уж большая. Пока сюда доберётся, мы с Настей до Заречного успеем прокатиться и вернуться домой. Ведь с начала лета собирались! То велосипеда не было, то погода дождливая. А сегодня с утра солнце и у Насти наконец велосипед нормальный...

– Да лето ещё всё впереди, середина июня, накатаетесь на своих «Мангустах»!

– Мам, ну как ты не понимаешь, – Игорь пустил в ход последний аргумент. – Глянь-ка вниз – Настю теперь не удержать, если я не поеду, она одна покатит! Ты представляешь, что будет? Велосипед только вчера собрали, она ведь и скорости переключать толком ещё не умеет, вдруг цепь слетит?!

Мама выглянула из окна кухни. Внизу у калитки, сидя в седле новенького горного велосипеда, поставив одну ногу на бордюр, а другой терзая педаль, вертела рулём готовая в любой момент сорваться с места хрупкая девчонка в синих джинсах. Да, её и в самом деле не удержишь!

– Ладно уж... Только до Заречного, не дальше, и сразу – обратно! – Сдалась мама.

Игорь, торжествуя победу, уже выводил свой велосипед на крыльцо, а вдогонку неслось:

– Мобильник захвати! Если что не так, звони папе, чтобы за вами приехал!

– Захватил, не маленький, соображаю-у! – Донёлся снизу голос сына.

Из нового микрорайона Арзамаса «Сосновый» до села Заречного путь недолгий, каких-нибудь три-четыре километра. На прямом участке Настя вырвалась вперёд. Только успели разогнаться по шоссе, как поворот направо. Небольшой уклон, мостик через совсем узкую в этом месте речку Тёшу. Новые, в основном двухэтажные, коттеджи – уже за чертой города.

А впереди Заречное, ещё живое, но уже в агонии запустения. И церковь с колокольной на крутом повороте улицы обнажёнными куполами напоминает рёбра истлевших на солнце и ветрах погибших животных.

Пришлось маневрировать, объезжая множество луж на разбитом асфальте; опытный байкер Игорь делал это виртуозно, почти не теряя скорости, но Настя сразу отстала, и пришлось тормозить. За селом после небольшого пшеничного поля справа и слева пошли полосы картофельных участков горожан.

Уже не вдали, а над городом время от времени сверкали молнии, лениво гроыхало. Решили проехать ещё немного, до железной дороги, скрытой за лесополосой. Да только ту-

ча оказалась проворней: догнала путешественников сразу за полем пшеницы.

Если бы только туча – началась настоящая буря! Налетевший резкий ветер не давал удерживать равновесие на велосипедах, заставил спешиться. Оглянувшись, Игорь увидел быстро приближающийся тёмный столб, похожий на воронку – вроде торнадо из американского фильма. Мгновенно сориентировавшись, потащил Настю с велосипедом в канаву, заросшую травой, велел лечь, закрыть голову руками.

Потоки обрушившейся воды вжали путешественников в траву. И вдруг, среди и без того сильного шума дождя, завываний ветра и раскатов грома, совсем рядом с ними раздался страшный шлепок, будто сбросили с высоты на поле тучное существо, вроде коровы или бегемота!

Боясь пошевелиться, Игорь ждал каких-нибудь ужасных последствий, но продолжения не последовало – буря закончилась так же неожиданно и быстро, как началась: дождь и ветер стихли. Промокшие насквозь, ребята стали выбираться на дорогу, скользя и путаясь в траве; велосипеды до поры оставили в канаве. Смерч, прошедший рядом, пересёк железную дорогу и удалялся на юго-запад. Едва почувствовав под ногами твёрдую обочину дороги, оба разом обернулись к картофельному полю.

Герои фильмов-ужасов, склонные к истерике девчонки, в подобных эпизодах верещат, как пойманные поросята. Но Настя только прижалась к застывшему в столбняке Игорю,

и оба онемели. У самого края картофельного поля, оставив за собой длинную с чёрным блеском полосу вывороченной земли, среди молоденьких кустиков картошки лежало нечто блестящее, бесформенное, какая-то глыба льда! Но эта глыба быстро таяла под лучами выглянувшего солнца, проявляя контуры существа совершенно нереального и тем не менее очень знакомого по фантастическим фильмам и сказочным рисункам...

Столбняк длился не больше минуты. Игорь нащупал в кармане мокрых джинсов мобильник, вынул его и набрал номер отца.

– Папа, приезжай скорее! Тут такое... просто потрясно, как в кино... Да нет, долго объяснять... Это фантастика, поверь! Приезжай – не пожалеешь... Мы здесь с Настей, недалеко, в Заречном... точнее, сразу за селом, ждём!

* * *

Когда смерч понёс свою ужасную силу дальше, за реку, Карп Холяпин выбрался на луг из-под крутого берега на излучине Тёши, где скрывался от внезапно налетевшей бури вместе с детьми, Егоркой и Настёной. Смерч разметал свежескошенное сено, закрутил, унёс высоко в небо всё, что Карп накопил, а дети старательно сгребли в валки для просушки.

Обернувшись на деревню, где осталась жена с двумя младшенькими сыновьями-погодками, Карп не увидел крыши своей избы, да и родной деревни не узнал. Избы стояли чёрные, слепые – буря разметала соломенные крыши крестьян-

ских изб, разрушила ветхие сараи, уцелели лишь прочные бревенчатые амбары. Вётлы, что росли за околицей, вырвало с корнем.

Ещё не осознав до конца случившегося, имея наперёд мысль о жене и мальчиках – живы ли? – Карп благодарил Бога за то, что невредимы остались Егорка и Настёна, самого Бог миловал, и уже думал о том, цела ли корова-кормилица, чем прокормить её, когда не будет доставать сена, и как устроить новую крышу да хлев.

И только спустя некоторое время осознал, что Настёна дёргает его за подол рубахи, а Егорка без устали повторяет:
– Тятя, глянь, чё там, навроде лёда, сверкает?

Отворотив взгляд от порушенной деревни, Карп наконец взглянул, куда указывал сын. Совсем близко на пологом спуске к реке, посреди скошенной травы, раскинулось холмом, покрытым сверху снегом и льдом, нечто невиданное в здешних местах, непонятное и потому страшное, чего до бури на лугу не было и в помине. Какая-то тварь, принесённая бурей, туша, которая не могла быть коровой или лошадью, так как была в длину гораздо более – никак не меньше девяти аршин.

По мере того как под лучами вновь выглянувшего жаркого солнца снег и лёд таяли, оседая, взору открывалось продолговатое чешуйчатое тело с крупными зубьями вдоль хребта...

«Змий небесный – дьявольского порождения суть!» Чем

дольше смотрел на чудище Карп, тем сильнее начинала бить его дрожь, а дети и вовсе спрятались за его спиной.

Кожаные крылья, словно у нетопыря, и тоже длиною аршин девять, а то и более того, на концах лапы с когтями, голова громадна, и зубы видны, ох какие зубищи, навроде щучьих, тоже кривые, и зело велики!

С косой, которую Карп не выпускал из рук и в бурю, преодолев страх, приблизился он к чудищу и ткнул легонько острым концом в хвост змия. Тот не шелохнулся, но из повреждённого места тонкой струйкой потекла жидкость.

«Кровя зелёная – текёт, значит живая тварь-то, только мёрзлая!»

И вспомнил Карп, как читан был народу ещё зимой Указ Божией милостию Государя Петра Алексеевича о куншткамере и сбору для неё диковин разных, монструзов и разных чудес. Муж учёный, должно, из самого Санктпитербурха, разьяснил, что твари эти не от дьявольского прельщения душ православных, а от хитрости природной и всяких ухищрений природы бывают. А кто на чудо сие укажет, тот от власти два рубли серебром получит.

«Вот оно – счастье-то! Эхма – новую крышу да стаю справить! Послать немедля Егорку к помещику Осипу Ивановичу да к земскому комиссару Василию Штыкову!»

И вдруг за спиной Карпа голосок тонкий Настёны:

– Жалко, бедненький...

– Вот дурёха-то, нашла кого жалеть!

* * *

Из глаза чудовища, прикрытого морщинистым веком, из самого угла его, вдруг выкатилась прозрачная капля.

– Смотри, он плачет... Бедненький! – пожалела змея Настя, не отходя от Игоря и не отпуская его руки, в то время как отец Игоря, Андрей Чудаков, разговаривал с приятелем по мобильному телефону.

– Витя, ГАЗон не подойдёт, маловат, КАМАЗ нужен... Да, рефрижератор, да, до Москвы! Ты не представляешь себе, как это важно – событие мирового значения... А популярность твоей фирмы сразу вырастет на порядок!

Чудаков давно, с тех пор как ушёл с оборонного завода, не испытывал такого душевного подъёма, не был в таком волнующем возбуждённом состоянии, как в те ушедшие времена, когда вдруг получалось задуманное, рождалось новое изобретение. А тут – подумать только, перед ним на картофельном поле, полузамёрзшая, то ли реликтовая птица, то ли сказочный Змей Горыныч!

– Ну так что, даёшь КАМАЗ? С водителем я сам в Москву поеду, сопровождать буду это чудо... Добро, спасибо, дорогой, наука тебя не забудет! Жду в Заречном, только ты и грузчиков не забудь, человек шесть, ребят понадёжней, да брезент пусть захватят!

Змей был просто великолепен! Длиной больше восьми метров, такой же длины были перепончатые крылья, заканчивавшиеся четырьмя пальцами с когтями. Покрытое чешу-

ёй тело змея сверкало всеми цветами радуги, а местами на теле видны были застывшие потёки изумрудного цвета.

– Настюш, вспомни, что там у Толкина, какого цвета кровь у драконов? – спросил Игорь.

– Может, зелёного? – попыталась вспомнить Настя.

– А живут они сколько?

– В сказках – тысячу лет, если конечно, не встретят какого-нибудь шустрого рыцаря!

КАМАЗ-рефрижератор ждали недолго; следом за ним на «Форде» подъехал и его хозяин Виктор. Пока Чудаков показывал ему змея, а Виктор качал головой и восхищённо повторял: «Вот это да!», грузчики времени не теряли. Они распахнули заднюю дверь рефрижератора и велели шофёру подогнать машину поближе к змею. Полюбовавшись на чудо, сложили, как зонтик, перепончатые крылья, перебинтовали широкой лентой (на всякий случай!) метровую зубастую пасть чудища. Пропустили под тело змея три прочных брезентовых полотнища и, расположившись по трое с каждой стороны, чтобы осторожно, не повредив, затащить змея в холодильную камеру, обнаружили вдруг, что небесная тварь на самом деле не такая уж и тяжёлая!

Затащили головой вперёд, но хвост свисал; пришлось изогнуть и свернуть длинное тело кольцом, при этом голова переместилась назад, к двери. Освободили змея от пут, разматывали ленту на голове. Когда закрывали дверь камеры, один из грузчиков вдруг испуганно отпрянул назад: ему показалось,

что существо шевельнуло хвостом.

Когда он рассказал об этом Чудакову, тот заметил:

– Известны случаи, когда тритоны, эти маленькие дракончики, пролежавшие во льду не одну тысячу лет, оттаивали и оживали. Может, и этот дракон оживёт, как знать, только не хотел бы я, чтобы это произошло в дороге...

Снова и снова благодарил друга:

– Спасибо тебе, Витя, теперь ты и сам видишь, какое это чудо! Пусть компрессор поработает от сети, до отъезда нагонит холода сколько можно, а в пути будем поддерживать от автономного источника. Отправимся часа в четыре, или даже раньше – светает рано...

Игорь пытался уговорить отца взять его с собой в Москву: «Мало ли какая помощь потребуется, да и учёные наверняка захотят побеседовать с очевидцем!», но Чудаков был непреклонен:

– В другой раз возьму и тебя и Настю, а сейчас самое главное – доставить змея в Академию наук. Домой как добираться будете, со мной или «Мангустов» оседлаете?

О велосипедах, с которых всё началось, ребята уже и думать забыли. Игорь полез в канаву, где ребята укрывались от смерча, вывел один за другим велосипеды, осмотрел.

– Всё нормально, доберёмся сами, да, Настюша?

– Конечно!

Проводив ребят, Андрей сел в машину и поехал домой, собираться в дорогу.

* * *

«Лета 1719 июня 4-го дня. Была в Арзамасском уезде буря великая, и день зделался яко ночь, и много домишек с анбары и всякого строения снесено, и смерч великий был и град, и многия скоты и всякая живая тварь погибли, и урон великий через то светопреставление имеем. И упал с неба змий, Божьим гневом опаленный...»

Земский комиссар Василий Штыков остановил бег гусиного пера по бумаге и задумался. Проще всего было бы, конечно, сделать, как отец Фёдор предлагал: «Дьявольское порождение в церкви проклясть и, очистив от скверны, сжечь...»

Но ведь не исполнишь государева указа, найдутся завистники, доложат куда следует, должности лишишься, а то и похуже – умысел противу власти заподозрят. Нет, Штыков дело своё знает! Не зря бочка беремьянная, чтобы змия запечатать, бондарю была заказана, и вино двойное. Так тому и быть:

«...А о змие сём донёс помещик Осип Иванович Лопатин и человек его Карпушка Холяпин место указал, где змий сей обретался, и дано ему за такое справное старание серебром два рубли, как Указ велит, с пошлины, с челобитен, исковых и явочных и с печатей, и со свадеб иноверческих, и с гербовой бумаги...»

Так, теперь подобает описать монструза, каков он был. Штыков вынул из кармана замусоленный клочок бумаги с цифирью и продолжил:

«А в длину сей монструз от пасти до хвоста девять аршин и более, а пасть в один аршин и пять вершков, и зубья в пасти той яко у щуки, но более того и кривые, а спереди ещё боле, в два вершка, а крылья яко у нетопыря, кожаные, и в длину тож девять аршин и боле, и лапы на крыльях четырехперстные с когтями, и ещё лапы голые с когтями великими, яко у орла и боле...»

И далее промашки не допустил комиссар: навес велел соорудить над змием, в месте, где он упал, от солнечного жара защитить; сторожа, того же Карпа Холяпина, поставил, стеречь монструза от лихих да любопытствующих людей...

Карп службу исправно нёс, домой не отлучался. Дома, слава Богу, всё обошлось, живы остались и жена, и сыновья, и корова, только двух кур буря унесла да гусыню с гусятами. Ну, конечно, как сразу ещё с луга заметил, крышу у избы снесло да хлев разметало. Так это уже ничего, два рубли серебром за монструза получил да как сторожу положили жалованье сорок копеек сверх того.

Егорка и Настёна в день по два раза, а то и чаще к отцу прибегали. Еду приносили да на змия через щели в загородке поглядывали. Страшно, но уж больно любопытно!

В полдень, как обед принесли, Настёна в щёлку заглянула – показалось ей, что дрожь по телу змия прошла, напугалась, страсть! Вечером, однако же, снова посмотреть на змия захотелось. Егорка ещё раньше пристроился, глазом к щели припал, только не там, где Настёна, а с другой стороны, где

голова монструза. Смотрел, смотрел, да вдруг отпрянул, крестным знамением себя осенил.

– Тятя, а змий-то глаз открыл!

Карп тут же в щель глянул: всё как было – змий неподвижно лежит, глаза под веками кожистыми скрыты.

– Ой, охальник, стращать меня удумал!

– Да нет, тятя, видел я: змий веко вверх поднял, а вниз плёна белёсая опустилась – глаз-то и открылся, зело свирепый!

Снова Карп припал к щели, долго смотрел, в другое место перешёл, нет – всё тихо. Пальцем Егорке погрозил: не озорничай боле!

* * *

Большая часть пути была позади. Без задержки объехали по объездной дороге древний Владимир. Миновали небезызвестные Петушки и Покров – последний город Владимирской области на пути к Москве. День был жаркий, но ветер гулял в просторной кабине КАМАЗа, и Андрей чувствовал себя вполне комфортно.

– А что, Коля, холодильная установка всегда так тихо работает? – спросил Чудаков водителя. – Что-то я даже не слышу, как включается компрессор!

Руки водителя, легко и свободно лежавшие на «баранке», вдруг дрогнули; Николай взглянул на термометр холодильной камеры, свернул на обочину и вышел из машины. Покопавшись в щитке управления камеры, вернулся на своё ме-

сто, упавшим голосом произнёс:

– Плохо дело, компрессор вышел из строя... Камера скоро станет не холодильником, а инкубатором.

– Ну что ж, давай без остановки до конечного пункта! Плохо, конечно, впереди пробки, особенно у Балашихи, но чему быть, того не миновать, а тварь небесную должны доставить учёным.

Через четверть часа КАМАЗ пересёк реку Киржач и въехал в Малую Дубну. Ещё через две минуты, повинуясь требованию гаишника-лейтенанта, машина остановилась на площадке дорожно-постовой службы.

Проверив путевой лист и удостоверение водителя, лейтенант потребовал от него документы на груз рефрижератора. Предусмотрительный Виктор снабдил водителя транспортной накладной, в которой первым пунктом значились и на самом деле были положены в холодильную камеру два ящика кое-каких продовольственных товаров.

От позиции номер два: «Птеродактиль реликтовый в количестве одной штуки» у лейтенанта захлестнуло извилины; перепутав птеродактиля с вертолетом, он строго спросил со знанием дела:

– Это что же за вертолёт вы везёте? Ну-ка, открывайте камеру!

– Видите ли, товарищ лейтенант, – вмешался в разговор выбравшийся из кабины Чудаков, – никакого вертолёта мы не везём, тут особый случай и груз у нас исключительный –

научный феномен, реликтовое животное...

– Вы кто такой? Я не с вами разговариваю, а с водителем!

– Но я сопровождаю груз, материально ответственный, так сказать...

– Ну, если ответственный, предъявите свои документы!

– Вот, пожалуйста, паспорт, я – Чудаков Андрей Дмитриевич, предприниматель. А груз у нас для науки просто бесценный, его необходимо срочно доставить в Академию наук.

– Открывайте камеру, показывайте своего, как там... птеродактиля!

Чудакова охватило тоскливое предчувствие неизбежности плохого конца, но он сопротивлялся року изо всех сил.

– Дорогой товарищ, поверьте, нельзя открывать камеру до встречи с учёными. К тому же у нас сломался компрессор, и я просто не знаю, что там внутри сейчас происходит. Если вы нам не доверяете, пошлите с нами в Москву своего сотрудника, доедем до места, а там он всё посмотрит!

– Значит, вы отказываетесь предъявить груз?

– Да не отказываюсь я, только не могу поручиться, что змей... чёрт – птеродактиль по-прежнему в состоянии анабиоза...

* * *

«...И посему ждать будем Указу Правительствующего сената для обозу со змием в Санктпитебурх в куншткамору, или в Москву, или в иное место, куда будет велено».

Тяжко давались эти строки Василию Штыкову, ох тяжело!

Обманом никогда не жил, службу честно справлял. Раньше воевал против шведа, Ниеншанц, что на реке Неве, по приказу «капитана бомбардиров» государя Петра Алексеевича брал, победу одержали знатную над шведом. Копейки из казны не брал, а уж что положено было кому выдать, выдавал непременно, за что и уважением пользовался у людей. И с монструзом всё было по Указу. Было, пока...

Бочку бондарь сладил знатную, только запечатывать змия отказался: «Я с нечистой дела не имею, хоть убейте!» Собрал Штыков верных людишек, привёл на луг, к навесу, вино двойное туда же доставил.

Вечером всё и случилось, солнце ещё не успело закатиться. Стали ворота навеса растворять, Штыков вперёд вышел, а из-под навеса вдруг рык страшный, а потом щелчок – и навес развалился! Из-под него голова высунулась, пасть раскрыла с зубьями кривыми, дыхнула пламенем смердящим голубым и бороду, и усы, и брови Штыкову разом опалила. А после – змий крылья кожаные расправил, хвостом в другой раз щёлкнул и улетел в небо, на закат.

Вот тогда и закручинился Штыков, стал думать, как далее поступить. Деньги все выданы, назад не вернёшь, и бочка готова, и за вино уплачено из казны, а змия нет – улетела тварь небесная, кто теперь поверит, что была? И придумал он запечатать в бочку ветку от дуба, бурей сломленную, и вином залить, а людишкам своим молчать велел...

«...А ежели Указу не будет, ждате будем оказии на Санкт-

питербурх обоза Государева из стран Сибирских со товары и всякой рухлядью, что муромской дорогой через Арзамас следовать санным путём будет...»

Штыков снял нагар со свечи, задумался, держа перо в руке. А на муромской-то дорожке разбойники лихие озоруют, скольких людишек поубивали, да товару отобрали не счесть, может и не доедет бочка-то до Санктпитербуха... А ведь можно и не ждать, как то случится, своих людишек подослать в обоз – пусть бочку ту из саней выкатят под горку, будто случай такой сделался, и концы в воду.

На том и успокоился Василий Штыков, приняв решение, и даже, для жалости и сочувствия начальствующих чинов, добавил:

«А денег для обозу в Арзамасской канцелярии нету, ибо урон ныне великий был, а пошлинные деньги отправлены в государеву казну сполна, и людишки наши весьма оскудели, и многия промышляют Божиим именем...»

* * *

– Что здесь происходит? – раздался вдруг строгий начальственный голос.

– Да вот, товарищ капитан, груз отказываются предъявить!

– Ну-ка, что у них там в накладной значится, – усатый чернобровый капитан взял у подчиненного документ и начал его изучать. – Ты посмотри, Иванов, какой камуфляж придумали: птеродактиль! Учись лейтенант, пока я жив; чую: икра

чёрная, а может, спирт контрабандный... Сержант Коваленко, ко мне с оружием! – скомандовал бравый начальник. – Этого, – капитан указал на Чудакова, – на мушке держи, а ты, – обратился он к водителю, – открывай дверь, да побыстрей!

Чудаков даже не пытался что-нибудь сказать, да и гаишники, уверенные в обмане, его уже не слушали. Николай повернул ключ в замке и стал открывать одну створку двери холодильной камеры, другую тянул на себя лейтенант, а капитан, стоя в середине, готовился первым заглянуть в камеру.

Как только потоки света хлынули в камеру, раздался громкий звук, будто закрутили вдруг мощную трещотку, навстречу капитану выдвинулась метровая голова, щёлкнула пасть, показав огромные кривые зубы, стрелой вылетел раздвоенный язык, и жаркий выдох голубого огня начисто спалил усы и брови красавца капитана; тот отшатнулся и повалился спиной на асфальт. В тот же миг от сильного щелчка качнулся КАМАЗ, змей рванулся из камеры и, расправив перепончатые крылья, унесся на запад в безоблачное небо.

Гаишники застыли в изумлении, а сержант Коваленко, очнувшийся первым, послал из автомата вслед змею совершенно ненужную очередь.

– Эх, варвары! – только и сказал на это Чудаков.

* * *

Из доклада капитана Георгия Копьёва начальнику войск

ПВО Московского военного округа генерал–майору К.:

«...17 июня с. г. в 12 часов 23 минуты южнее г. Электро-
сталь на высоте 960 метров средствами слежения ПВО об-
наружен неизвестный объект, двигавший в направлении сто-
лицы нашей Родины Москвы. На требования снизиться и со-
вершить посадку в указанном ему месте – не реагировал...

Объект уничтожен ракетой класса «земля – воздух» в 12
часов 42 минуты 35 секунд. Следов обшивки, фрагментов
аппаратуры и проч. в районе инцидента на земле не обнару-
жено...»

Летуны

Собрались как-то летним субботним утром супруги Иван Иванович и Валентина Петровна в гости к дочери Марине, в Нижний Новгород.

Иван Иванович – слесарь-наладчик в цехе по разливу молока на молочном комбинате. Сам ростом невелик, как говорится: «метр с кепкой», работу свою до тонкости знает, но с супругой своей в никакое сравнение не идет. Валентина Петровна – женщина авторитетная, работает в том же цехе, что и муж, только начальницей. На голову выше супруга, красива, что матрёшка. В талии, а также прочих местах, широка, дородна.

Коллектив цеха, где Иван Иванович мужчина в единственном экземпляре, начальницу свою любит и уважает. Когда все собираются за столом в подсобке, чтобы очередной день рождения или праздник отметить, всегда любимую, Валентины Петровны, песню хором поют: «Снегопад, снегопад, если женщина просит...», и сама она громче всех поёт, да слезу хмельную смахивает.

Приготовили супруги две кошёлки с продуктами, где рядом с дарами собственного сада и огорода, банками с вареньями и соленьями, располагался хороший кусок голландского сыра, двухлитровая баночка сливок да свежее сливочное маслице. Всё, конечно, с молочного комбината, своё,

проверенное, не в магазине купленное! Прихватить с собой, уходя вечером с работы, пакет молока, кусочек сыра или баночку сливок – дело святое, никто из работников комбината это и за воровство не считает. Опять же, считай, компенсация невысокой по любым меркам зарплаты.

Сели Иван Иванович и Валентина Петровна ранним утром в автобус, подремали часа два и через некоторое время объявились у дома своей дочери на Звездинке.

Звездинка – улица такая в центре Нижнего Новгорода, а поскольку, вдоль неё в середине аллея деревьями обсаженная, то это даже и не улица, а бульвар. Хорошая улица, и дом хороший. В подъезд так просто не войдешь: нужно номер квартиры набрать и на кнопку домофона нажать, когда хозяйка ответят, тогда и войти можно будет, а иначе нельзя.

Вот подошли супруги к двери, жмут на кнопки разные и так и сяк, а ответа нет! Заскучали они, кошёлки в сторонку отставили, стоят, ждут, может, кто пройдет в дом или из дома. Полчаса не прошло – повезло им, вышла из подъезда женщина, соседкой Марины оказалась. Руками всплеснула: – Ой, а вы ведь Мариночкины родители!

И объяснила дальше, что уже два дня, как улетела Марина с мужем и сыном отдыхать в Турцию, и вернутся они не раньше, чем через десять дней. Ключей не оставили, квартира на охране, и войти туда никто не может. Соседка помчалась по своим делам, а супругов сложившиеся обстоятельства привели в состояния, можно сказать, прямо противоположные.

Валентина Петровна, не стесняясь в выражениях, принялась ругать и дочь, и зятя, которые умчались, не предупредив родителей. А Иван Иванович как-то съежился, побледнел и постарался держаться за спиной жены. И ведь не даром, были у него на то основания! Едва услышав, что дочери нет дома, Иван Иванович вспомнил, что, как раз в середине прошедшей недели, звонила ему Марина и предупреждала, что уезжает всем семейством отдыхать, да только забыл он об этом звонке, как говорится, начисто. И следовательно, вина за пустую поездку, потраченные деньги и время лежала именно на нём.

Валентина Петровна – женщина не только авторитетная, начальственная, но ещё и властная, тяжёлая на руку. Учитывая рост её супруга и собственное, Валентины Петровны, великолепное сложение, сторяча она нередко отвешивала мужу затрешины по тому месту, что было ближе и доступней, то есть – по голове.

Нельзя сказать, что Валентина Петровна не любила мужа, нет, очень даже любила! И женились они по любви, и жили душа в душу. Но вот случается такое, а в наше время особенно – взяли женщины власть в свои руки и подавляют мужчин не только морально, но и физически. Мужчинам так даже удобней: ответственности никакой, а в случае неудачи – жена виновата. Хотя, конечно, порой бывает обидно, и каждый мечтает из-под опеки хоть на короткое время уйти.

Не заметила Валентина Петровна смятения Ивана Ивано-

вича, повезло, стало быть, мужику до поры, до возвращения дочери, когда его вина раскроется. Подхватили супруги кошёлки и подались на автостанцию, чтобы, значит, обратно домой уехать. Билеты удалось купить, и автобус не заставил себя ждать. Устроились широко и вольно с кошёлками на свободных сиденьях в самом конце автобуса. Жара сморила обоих...

В селе Богоявление, где у автобуса была стоянка, Иван Иванович, оставив жену, вышел по нужде да воздухом подышать. Только вот беда: в туалете, что невдалеке располагался, очередь случилась, задержался он, а когда вернулся, обнаружил, что автобус укатил без него. Дальше совсем плохо: в карманах пусто, ни денег, ни документов, знакомых в селе нет, попутных машин мало, да и не останавливаются они без нужды. Отошел Иван Иванович в сторонку, где берёзы растут, пристроился на лавочке, сидит, думу думает.

День выходной, народу и в Нижнем немного было, кто на дачу уехал, кто просто дома отдыхал по месту жительства. А здесь в селе и подавно тихо. Только птички нежно поют: «Фьюить – фьюить!» И так хорошо вдруг стало на душе у Ивана Ивановича от неожиданно обрушившейся на него свободы: никто не жмёт, не требует, не заставляет ничего делать. Бабочки порхают, листья на деревьях чуть трепещут, солнышко греет не слишком жарко. В синем небе почти без движения висят белые барашки редких облаков...

Так бы и сидел Иван Иванович с природой в ладу, только

вдруг покалывание иголочек в ладонях и ступнях нарушило его нирвану. Оторвал он свой взгляд от неба, вниз, перед собой взглянул и осознал: не сидит он на лавочке, а висит, слегка покачиваясь метрах в двух над землёй, ни на что не опираясь. Другой бы на его месте испугался, щипать себя начал: «Не сплю ли я?». А Иван Иванович – ничего, не запаниковал, такое с ним и раньше случалось.

Однажды в воскресный день вышел он вместе с Валентиной Петровной по привычке работать на огород. Солнышко светило, как сегодня, щебетали птахи, и легко было на душе, свободно дышала грудь. Вдруг, закололи иголки и, вместо того, чтобы идти по дорожке, Иван Иванович легко взмыл вверх над огородом, да так и повис, наслаждаясь волей и покоем. Окликнул жену, но Валентина Петровна скользнула по нему равнодушным взглядом:

– Кончай валять дурака, Ваня, принимайся за работу!

Иван Иванович опустил на землю и принялся, как велено, за работу. Ночью, почувствовав иголки в руках и ногах, вышел на крыльцо и полетел. Кружил над городом, над Воскресенским собором, над старым Тихвинским кладбищем, летал вдоль речки Тёши, но к рассвету, как ни в чём не бывало, возвратился в постель к спящей безмятежно супруге.

Ночные полеты скоро стали регулярными. Как и почему у него появлялась способность летать, Иван Иванович не задумывался. Не приходил ему в голову и простой вопрос: что с ним будет, если его способность летуна вдруг пропадёт в

полёте? Он перемещался в ночном небе над городом по своей воле, наслаждался свободой и ни о чём не думал. «А что если и сейчас проявить свои способности, взять да и полететь домой?» – подумал Иван Иванович.

Он не спеша, взлетел. Повисев в воздухе, заметил совсем рядом, через дорогу, какие-то мастерские, приблизился к ним, увидел трех мужиков в рабочих спецовках. Сидели они за столиком, на котором стояла дюжина запотевших, видно только из холодильника, бутылок пива, здесь же располагался эмалированный тазик, наполненный огромными раками и на газетке – два, тоже не маленьких, сушёных леща.

Горя желанием глотнуть холодного пива, Иван Иванович спустился на землю и направился к компании: народ свой, рабочий, расскажет он им о своём несчастье, глядишь, угостят. Так оно и случилось. Один из трёх, рыжий парень, заметил Ивана Ивановича, и весело скаля зубы, помахал рукой, приглашая его за стол.

– Тебя как по батюшке-то? – Спросил пожилой, явно старший среди троих.

– Иван Иванович...

– Вот и славно, Ваня, по-русски, не заковыристо! Присаживайся, не обидим. Меня Михаилом зовут, это, – показал он на сидевшего рядом с ним усатого богатыря, – это Василий, а он, – кивнул Михаил на рыжего, – Юрий.

Светлое питерское пиво показалось Ивану Ивановичу Божьим даром.

– Ты, Ваня, как я догадываюсь, здесь проездом, от автобуса, небось, отстал? – Поинтересовался Василий.

– Точно, не дождался, паразит, укатил без меня, и жену увёз, – удивляясь догадливости собеседников, ответил Иван Иванович.

– Дело не хитрое, – подтвердил Михаил, – у нас это часто бывает. Кто на собор засмотрится, кто на девчат наших, а кто в туалете застрянет.

Рыжий Юра, не произнося ни слова, с любопытством продолжал смотреть на Ивана Ивановича.

– Место у нас действительно необычное, Божоявление не даром. Поверишь ли, неопознанные объекты – НЛО зачастили. Мало того что летают, как птицы, удивлять перестали, светят и днём и ночью, так ещё и наших людей стали хватывать.

– Как это, – не понял Иван Иванович. – К себе, что ли, забирают?

– Двое исчезли, – подтвердил Михаил, – правда, с зарплатой нашей из кассы. Может НЛО тут и не причём.

А вот Юра – побывал у них в тарелке и вернулся. Только с тех пор молчит, слова вымолвить не может, записками с нами общается.

Юра молча кивнул, и опять улыбнулся.

– Есть чудеса и другие, – подключился Василий, – выходим мы на работу в выходной не впервые. Техника старая – трактора, экскаваторы, подъёмные механизмы. Гидравлика,

чтоб ей не ладно было, масло хлещет дуром! А что можно сделать без запчастей – манжет, сальников, прокладок? Да ничего! Вот и мы так думали. Выйдем, покопаемся для виду, начальство домой – мы за стол. Сверхурочные заработаем – и то хорошо! Только с некоторых пор, как Юра в нашей бригаде появился, после нашего «ремонта» стали механизмы как новенькие работать. Ничего не делаем, а масло течь перестает, заказчик доволен, начальство тоже.

Юра все глядел на Ивана Ивановича и загадочно улыбался. И тут вдруг в голове Ивана Ивановича раздался приятный голос.

«Иван, не дергайся, не показывай виду – это я, Юра, с тобой разговариваю, другие нас не слышат. Я сначала думал: ты тоже у НИХ побывал. Теперь вижу – ошибся, ты сам по себе особенный. Таких как я называют Контактёр, а ты – Летун».

«А как же...» – начал мысленно Иван Иванович.

«Что к чему – поймешь позже. Я вижу, ты уже освоился, не первый день летаешь, но пива больше не пей, будет плохо! Лети себе домой, ничего не бойся, я тебе перешлю информацию – на то и Контактёр, чтобы других, таких как ты и я отыскивать и связь поддерживать. А расстояние для связи не помеха: ты подумал – я поймал, и наоборот!»

Поблагодарив мужиков за пиво, Иван Иванович распрощался с ними и направился в сторону жидких кустиков для того чтобы незаметно взлететь. В голове снова зазвучал «го-

лос» Юры. «Бояться тебе, Ваня, нечего. Как только ты взлетаешь, становишься невидимым для окружающих. Подробности тебе сейчас ни к чему, но, в принципе, дело в том, что ты в полете находишься на самом деле в другой реальности, параллельном мире, и окружен как бы особой защитной пленкой. Побочное явление – лёгкое свечение, днем практически не заметно».

Иван Иванович, добравшись до кустов, взлетел вверх и двинулся на высоте птичьего полёта вдоль дороги, местами перемещаясь параллельно ей, а где-то, на крутых изгибах, отдаляясь или пересекая шоссе, чтобы сократить расстояние, лететь домой напрямую.

«Многие думают, что в НЛО – инопланетяне, – продолжал вещать Юра, – Только это не так. Они такие же земляне, как мы, только из другой реальности. Представь себе, что в тазике мыльная вода, а ты через трубочку дуешь, и образуется много пузырей. Делал такое в детстве? Вот тебе и модель вселенной, грубая, конечно. Каждый пузырь в тазике – целый мир, новая реальность. Все реальности соприкасаются друг с другом через тончайшую пленку или через посредство других пузырей-реальностей...».

В голове Ивана Ивановича начиналась каша, но он уже осознавал, что может управлять процессом поглощения этой «каши», выбирать, что «съесть» сейчас, а что отложить на «потом», чтобы разобраться детально. И характер мыслей, и сами слова в голове складывались уже не те, какими он

пользовался на работе и дома, общаясь с Валентиной Петровной и сослуживцами. Появилось много новых слов, значений которых он раньше не знал, но будто читая энциклопедический словарь, сразу постигал их смысл, а в мыслях поселилась значительность, глубина и эрудиция...

Незаметно долетел до светлой речки Серёжи, а за ней село Криуша, где автобусы останавливаются по пути в Арзамас. Думал на землю опуститься, перехватить свой автобус, сесть рядом с Валентиной Петровной и доехать до дома, как ни в чём ни бывало. А если супруга проснулась и уже обнаружила пропажу, сказать, что на попутке догнал, так-то спокойней.

Ан, нет, глядит, опять опоздал: автобус уже дальше двинулся, не поспел Иван Иванович, значит. Только кто это, из автобуса выйдя, при дороге остался, уж не Валентина ли Петровна? Так и есть! Подхватила она свои кошёлки и взмыла вдруг в небо, да навстречу Ивану Ивановичу полетела. Тяжело летит, кошелки руки оттягивают. Сердце у Ивана Ивановича гулко застучало: «Вот оно как, значит, не бросила муженька!»

– Э-эх, пропади она пропадом, свобода эта! Выручать надо женщину!

Подлетел, подхватил кошёлки у Валентины Петровны из рук, а она просияла лицом, супруга увидав. И оба они, как два голубка, не спеша, полетели под облаками-барашками к себе домой...

– Божоявление! Стоянка пятнадцать минут, – объявил

водитель по радио. Иван Иванович взглянул на супругу: «Дремлет. Будить не буду, пойду, подышу и ещё кой-куда...»

На автостанции стояло три автобуса, и в туалете по этому случаю образовалась очередь. Если бы Валентина Петровна не задремала, разморенная солнышком, то не только водителя, даже автобус крепкими руками удержала бы до возвращения супруга... А так, на вопрос водителя: «Все на месте?» те, кого не разморило, дружно ответили: «Все!».

Когда Иван Иванович вернулся на площадку, автобуса уже не было. Он сел на скамеечку под берёзой, размышляя, как теперь без денег домой добраться, и что будет, когда супруга узнает истинную причину неудачной поездки к дочери.

Даже в тени было жарко. На противоположной стороне дороги в стороне от автостанции, у приземистого здания механических мастерских, за столиком сидели трое в синих комбинезонах. Мучимый жаждой, Иван Иванович разглядел на столе запотевшие бутылки пива, и ноги сами понесли его через дорогу. А навстречу ему сиял белозубой улыбкой и приветливо махал рукой рыжий парень...

Что-то с памятью

Хоронили профессора технического университета. Три дня назад он строил планы, собирался съездить в Санкт-Петербург, пообщаться с учёными коллегами, и вот – на тебе, в ночь на субботу случился сердечный приступ. А неотложки, как известно, на вызовы торопятся не спеша. В общем, когда приехали, спасать уже было некого.

В понедельник утром, к выносу тела собрался кой-какой народ с кафедры, где работал наш профессор, люди с черными повязками на рукавах из ректората, ну и, конечно, безутешная вдова и дальние родственники, потому как ближних не было: детей от законной супруги профессор не имел.

Подкатил ритуальный автобус, а с ним мужички, назначенные осуществлять скорбные услуги. Погода с утра выдалась неустойчивая, набежали тучи, загромыхало. И аккуратно в тот момент, когда гроб был поставлен для прощания на табуретки, сверкнула молния, загремел гром – разверзлись небеса, и полил дождь.

Все живые – кто к стене дома прижался, кто под козырёк крыльца пристроился, счастливицы под зонтики спрятались, а про покойника забыли. Косой дождь застучал по строгому лицу, и восковые черты его, вместе с заострившимся носом вдруг начали сглаживаться.

Когда дождь прекратился так же неожиданно, как начал-

ся, лица покойного не стало вовсе, оно исчезло, словно растаяло: так – плоская восковая поверхность, вроде дощечки. Но присутствовавшие на скорбном мероприятии ничего не заметили – складывали зонтики, переговаривались, отряхивались.

Накрыли гроб крышкой и повезли покойника отпевать в собор. Профессор не был верующим человеком, являл собой скорее воинствующий атеизм. Его нельзя было назвать образцом общественной морали, он пил горькую, был чревоугодником и большим охотником до женского пола, невинные студентки боялись его экзамена, как зубной боли. Вдова настояла: «Надо в церковь – для спасения души».

В соборе шла утренняя служба, и в ожидание её завершения одинокий гроб поставили на широкую скамью, недалеко от входа. Лица святых и угодников были суровы, колеблющееся пламя многочисленных свечей напоминало о вечности, и почти все, кто провожал профессора в последний путь, не вошли в храм, а остались на его ступенях подышать свежим, после грозы, воздухом.

Священник, закончив утреню, подошёл к гробу совершить требу и обомлел: многих покойников повидал он на своем веку: бомжей без роду и племени, потерявших человеческий облик, утопленников, с лицами, съеденными рыбами, солдат, обгоревших в огне взрыва, но такого, чтобы вместо лица ровная гладкая поверхность – никогда!

– Как звать усопшего? – Задан был вопрос.

Вдова, что у изголовья стояла, смутилась вдруг, затеребила свой чёрный кружевной платочек.

– Муж он мне, законный, столько лет с ним прожила в горе и радости, столько лет... – отвечала, а у самой в голове суматоха: «Сколько, в самом деле? И как же звать-то его?..»

– Имя мужа назови! – Начал терять терпение батюшка, но вдова сеяла частые слёзы, сморкалась в платочек и не могла вымолвить ни слова.

Прочие присутствующие от гроба стали отступать – имени родственника вспомнить никак не могут. Помнят точно, что родственник он им, покойник, но очень уж дальний, а как его звали – никто вспомнить не может. Так ничего и не добившись ни от вдовы, ни от других заторможенных, священник помолился «об успокоении души усопшего раба Божия... Безимени... и чтобы простились ему все прегрешения вольные и невольные».

К моменту выноса тела покойного профессора из храма и по прибытии на кладбище число провожавших его в последний путь и без того невеликое, сильно поубавилось. Короткий траурный митинг открыл представитель ректората, для которого присутствие на подобных мероприятиях вошло в привычку вместе с лицемерием, безмерным враньём и рафинированной печалью.

– Сегодня мы провожаем в последний путь... – уверенно начал он, уставив тренированно скорбный взор в землю перед собой, – нашего коллегу, безвременно скончавшегося на

взлёте своих творческих способностей, профессора...

Тут выступавший поднял глаза, чтобы не сойти с привычной колеи, посмотреть, кто же тут лежит, и назвать имя покойного, но вместо лица увидел ровную, с восковым блеском, поверхность и... потерял сознание. Коллеги подхватили оратора, кто-то побежал к машине за аптечкой. Пока одни приводили его в чувство, другие безуспешно напрягали мозги, вспоминая, кого же они здесь собрались хоронить, что за курс читал покойный и от какой кафедры?

Оказалось: помнят, что курс очень важный, но какой именно вспомнить не могут. Всплывало в головах только то, что одолевали эту науку студенты трудно, удовлетворительная оценка считалась нормой, а на пятерки могли рассчитывать лишь девушки, которые ходили сдавать экзамен к профессору на дом.

Особенно настырные сослуживцы к венкам кинулись: ведь что-то на лентах написано, возможно, и имя покойного отыщется! Ан и здесь сюрприз: смыло дождём надписи на лентах, только и осталось: «Дорогому... незабвенному... от коллег», «Спи спокойно, дорогой...» и так далее без имени и фамилии.

Тем, кому, собственно, и вспоминать было нечего, вдруг вопросом озадачились: «А что это мы тут делаем?» и, не найдя ответа, потихоньку начали сматывать удочки. Не прошло и получаса, как ни одного человека, кроме вдовы да мужичков из ритуальной службы рядом с покойным профессором

не осталось.

А тут и вдова вдруг хлопнула себя по лбу:

– Да что же это я к Наталье Петровне не заехала! – и выскочила из ворот кладбища в неизвестном направлении.

Мужички похоронной бригады оказались самыми стойкими и ответственными. Не дождавшись команды от распорядителей с чёрными повязками, затылки почесали и принялись искать на кладбище свежеврытую могилу, чтобы хоть как-то дело своё исполнить до конца...

В небесной канцелярии произошла заминка: прибыла душа, как положено с конвоем: по одну руку Ангел Хранитель, по другую – Бес Искуситель. Только вот что за душа – неизвестно. Свет от лика Архангела пульсировал негодованием: который уж случай отсутствия идентификации личности! Ангел смущённо потупился и был полон раскаяния: виноват, не досмотрел...

Бес нагло ухмылялся:

– Нам идентификация без надобности: была бы душа и к ней перечень грехов!

Архангел щёлкнул пальцами левой руки и материализовал перед собой вращающийся компакт-диск, провел по нему лазерным лучом из пальца правой руки:

– Пустой твой диск, Тёмный, нет на нём информации!

– Падлой буду, – взвился Искуситель, – была запись, гад какой-то стёр!

– Может, и стёр кто, в вашу контору не полезу разбираться, а у нас – презумпция невиновности: нет доказательств, значит, чиста душа!

Бес обиделся, хвостом крутанул и растворился в пространстве.

Снова щёлкнул пальцами Архангел – завертелся диск добрых дел, Ангел с надеждой воззрился на начальство.

– Тут что-то есть, – заметил Архангел, – только уж очень короткий файл! Так... что там, ага, вот: «В возрасте десяти лет ходил в магазин за продуктами для больной соседки, и сдачу отдал всю до копейки». Ну что ж, Хранитель, победа твоя, доброе дело, хоть и малое – налицо. Веди Безымянную душу в Рай...

Канувшие в вечность

Солнечные дни удалились вместе с тёплым ласковым летом. Хмурое небо, ветер, несущий солёную влагу, и волны бесконечной чередой набегающие на берег. Босоногий мальчишка, из аборигенов, поднялся на крутой берег по тропинке, оставив чёткие следы на песке. Двое стояли на пустынном причале.

– Жалко, – Произнесла Она.

– Жалко... чего? – Не понял Он.

– Лета, моря, всего, что было.

– Ты хотела бы всё вернуть?

– Я хотела бы сюда вернуться будущим летом.

– Нет ничего проще: брось монету в море!

– И правда, я забыла!

Он подал ей пятак, Она сняла перчатку и, не выпуская её из руки, размахнулась и бросила монету в волны. Вместе с монетой улетела перчатка.

Он засмеялся:

– Твоя перчатка канула в вечность, и теперь ты просто обречена приезжать сюда каждый год!

– Это что, такая примета?

– Нет, это судьба...

* * *

Корифей науки и великий магистр Этимон принял новую

группу учеников, чтобы научить их всему тому, что знал и умел он сам. Среди тех, кто готовил себя к нелёгкой работе демиурга, оказался скромный юноша по имени Доминант, прибывший в столицу из далекой провинции.

Не было у Этимона более прилежного ученика, чем Доминант. Он внимал каждому слову учителя, боясь пропустить что-нибудь важное. Когда учитель прерывал занятия до следующего урока, Доминант продолжал заниматься самостоятельно, не давая себе отдыха.

Некоторые его товарищи, вместо прилежной учёбы ударились в загул: шумные вечеринки, девочки, соблазны мегаполиса. А Доминант упорно постигал трудную науку создания миров, и когда пришло время первой практической работы, кажущаяся простота задания поразила его: Этимон велел сотворить свет и отделить его от тьмы.

Когда же приступили ученики к выполнению этой работы, оказалось, что четвертая часть из всего их числа не смогла выполнить задания. Огорчённый и разгневанный учитель прогнал нерадивых школяров со двора. Доминант же был среди тех, кто справился с работой легко, и продолжил учебу.

Другие ученики обратили внимание на Доминанта и стали заниматься более прилежно, а Этимон был внимателен и добр ко всем своим ученикам, открывая им секреты великой науки и мастерства. Наступило время второй практической работы, и учитель дал задание ученикам сотворить видимое

небо, воздух.

И снова четвертая часть оставшихся учеников не справилась с заданием. Опозоренные и удрученные покинули Этимона те, кто оказался неспособным постичь его науку. А Доминант точно исполнил поручение учителя. Пытливый юноша удвоил рвение к учебе, и, глядя на него, забыли про развлеченя, стали усердней заниматься даже те из учеников, жителей мегаполиса, кому раньше наука давалась без особого труда.

Третье задание великого мастера и учителя Этимона гласило: в каждом из созданных миров ученики должны отделить сушу от воды, создать землю, моря и реки, и сделать так, чтобы произрастила земля зелень и плоды по роду своему. Доминант одним из первых справился с заданием, и по слову его на земле стали расти трава и деревья. Четвертая часть учеников, несмотря на все свои старания, не смогла сделать всего, что требовалось. Опечаленный и огорченный тем, что зря потратил на них своё время, Этимон отлучил их от занятий.

В четвертом задании Этимон поручил ученикам изготовить светила – большое для управления днем, малое для управления ночью и звёзды. Надо ли говорить о том, что Доминант снова выполнил работу одним из первых и остался среди успевающих учеников великого магистра? А половина оставшихся учеников, как ни старалась, не смогла выполнить задания магистра, и вынуждена была прекратить даль-

нейшее обучение.

Занятия стали ещё интенсивнее, но никто из оставшихся учеников не пропустил ни одного урока, внимая слову и делу великого мастера Этимона. Пятым заданием учителя стало создание душ живых: рыб и пресмыкающихся, а также птиц пернатых по роду их. И все ученики были прилежны, как никогда ранее, но не было учеников старательнее, чем Доминант и ещё один – по имени Мемистор.

По результатам выполнения задания определил Этимон несколько учеников себе в помощники, а остальных отправил вон, как неспособных к искусству создания миров. Из помощников же выделил двух: Доминанта и упомянутого Мемистора. Занимался с ними до изнеможения, без отдыха и, наконец, объявил о последнем испытании:

– Только вы двое можете получить звание демиургов и стать мне ровней. В созданных вами мирах всё правильно и хорошо, но нет скота и гадов, нет зверей земных по роду их. Я дам вам образцы, и будут произведены они по слову вашему, в чём нет у меня сомнений. Только в главном не ждите от меня помощи: сотворите по своему понятию существ разумных, наделите их свободой воли, чтобы плодились и размножались, наполняли землю и обладали ею, чтобы владычествовали они над всеми прочими живыми душами: рыбами, птицами и зверями.

Выслушав учителя, приступили к работе его лучшие ученики и выполнили первую часть по образцам учителя. Толь-

ко один из них двоих, Доминант, творил с добрым сердцем и чистыми помыслами, а другой – Мемистор с тайной злобой и завистью к успехам товарища...

* * *

Если сказать, что археологу и историку Веде везло, значит не сказать ничего. Обнаруженные ею на берегу исчезнувшего моря Северного континента восточного полушария плоский круглый предмет, явно искусственного происхождения, и окаменевший след босой ноги, который можно было бы считать человеческим, если бы не лишний палец, – настоящая сенсация, весть об исчезнувшей никак не меньше миллиона лет назад древней цивилизации.

Упомянутый предмет неизвестного назначения достаточно хорошо сохранился, что само по себе удивительно, так как процессы диффузии за такой огромный промежуток времени обычно не только уничтожали изображения, но меняли до неузнаваемости форму предмета.

Воспользовавшись обычным приемом палеоскопии, как это делали археологи, Веда подержала руку над находкой, и через мгновение перед её внутренним взором сформировалось рельефное изображение загадочной птицы с раскинутыми крыльями и двумя головами, повернутыми в разные стороны. Небольшое усилие воли – и проступила группа символов. На другой стороне предмета достаточно хорошо просматривался рисунок ветки какого-то растения и снова группа символов, не поддающихся расшифровке: один боль-

шой и шесть маленьких.

Число пальцев следа, по мнению Веды, могло быть на самом деле меньше, так как окаменелость была не очень чёткой, и за отпечаток лишнего пальца мог быть принят оказавшийся рядом камешек. Веде опять повезло: у найденной в том же месте на берегу бывшего моря окаменевшей перчатки, как и в следе ноги, оказался лишний палец. То, что перчатка принадлежала разумному существу, подобному человеку, уже не вызывало сомнений.

Веда была просто обязана, как считали её друзья, не сдерживать эмоций, дать волю фантазии – выступить с научным докладом и защитить диссертацию. Так далеко, на миллионы лет, исследователи прошлого ещё не заходили, и Ученый Совет Северного континента восточного полушария Земли был крайне заинтересован в этой работе молодого археолога.

* * *

Первым своих разумных существ создал Мемистор, вдохнув жизнь в наиболее крупных тварей, названных динозаврами, с хорошо развитыми конечностями, всеядных, живучих и в меру агрессивных. Ведь сказано было Этимомом: «Владычествовать над прочими должны на земле!», а кто велик размером и грозен видом, тот и владыка.

Но эти создания отвергли разум, а свободу воли использовали для наполнения чрева своего, и пожирали не только других тварей, но и друг друга. Увидев это, огорчился Мемистор и захотелось ему взглянуть на работу товарища. До-

минант, готовивший в котле «закваску» для своих созданий, рассказал Мемистору не таясь, как, поразмыслив над словами учителя, пришёл к выводу, что лучше всего сделать разумных существ по образу и подобию своему.

– Мы с тобой разумны и добры, таков же наш учитель и все, кто нас окружает во вселенной. Пусть же и созданный мной мир, сообразно масштабу его, населяют прекрасные существа, подобные тебе и мне!

Подготовил Доминант «закваску» для переноса на землю, но в этот момент завистник Мемистор отвлёк на мгновение внимание творца, произвел незначительное действие над живым материалом и вскоре удалился, сославшись на занятость. Доминант создал на земле людей: мужчину и женщину, и сразу полюбил их всем своим сердцем потому, что были они наивны и добры, чисты и открыты для любви, как дети.

* * *

Заседание, на котором предполагалось заслушать научный доклад Веды, было назначено на знаменательный день: Праздник Единения Науки и Религии. Как известно, немногим более двух тысяч лет тому назад произошло важнейшее событие – слияние науки с религией, позволившее человечеству черпать знания из необъятной Памяти Вселенной, а в исключительных случаях, даже входить в непосредственный контакт с Создателем.

Физически такого рода связь всегда осуществлялась че-

рез Храмы, но до упомянутого дня эта функция, далеко не всеми людьми осознаваемая, лежала целиком на служителях церкви. Теперь это трудно себе представить, но когда-то наука была неизменным оппонентом религии и даже не признавала существования самого Создателя.

Одним из важнейших условий передачи людям информации из Памяти Вселенной являлось соответствие морально-этического уровня развития индивидуумов заповедям Создателя. Когда насилие исчезло из жизни общества, это открыло человечеству неограниченные возможности в энергетике, технологии, системе коммуникаций. В противном случае такого рода знания могли привести к гибели цивилизации.

После слияния науки и религии служители культа стали операторами связи в Храмах-терминалах. Докладчик-исследователь с группой поддержки, обеспечивал высоким эмоциональным накалом своего выступления связь с Создателем, а информацию из Памяти Вселенной получали пророки – члены Ученых Советов.

В своей диссертации Веда развивала гипотезу, объясняющую не только сам факт существования древнейшей цивилизации, но причину ее гибели. Лишний палец, по ее мнению, вызвал развитие агрессии и нетерпимости древних людей к соплеменникам и подействовал угнетающе на такие их качества, как доброта, сердечность, способность к состраданию и любви.

Доклад Веды был готов и, в ожидании публичной защиты диссертации она репетировала свое выступление с молодыми учеными группы поддержки.

Наступил день Всемирного Праздника Единения Науки и Религии. Храм, наполненный светом солнечных лучей, пробивавшихся сквозь стекла витражей и бесчисленного количества свечей, горящих на подставках у картин, символизирующих Волю, Дух и Милосердие Создателя, а также Мощь единого Разума Вселенной, замер в ожидании важного события.

За час до назначенного времени зазвонили колокола, возвещающая о начале заседания. И хотя аудиовизуальная трансляция была организована для жителей всей планеты, не имело значения, где находится человек, звук и изображение возникали непосредственно в мозгу каждого, кто настраивался на восприятие этого события, желающих присутствовать непосредственно в Храме оказалось слишком много. Через четверть часа охрана вынуждена была ограничить доступ в Храм, однако, те, кто не смог попасть внутрь предпочли не разойтись, а остаться на площади перед Храмом.

* * *

Этимон ознакомился с результатами работ учеников и заключил:

– Ты, Доминант, не ученик мой больше, а коллега, ты – единственный из моих учеников, кто добился звания демилурга. Мой дом всегда открыт для тебя и, надеюсь, ты тоже

не откажешься принять меня у себя как товарища и гостя. А ты, Мемистор, не стал демиургом, но можешь, учитывая твои способности, остаться при школе моим помощником для неотвественных поручений.

Доминант поблагодарил великого магистра и отправился управлять созданным миром и творить новые. А Мемистор с негодованием отверг предложение Этимона и исчез в пучине мегаполиса.

Наблюдая за развитием своих разумных творений, Доминант надеялся, что люди полюбят его самого так же, как он полюбил людей, и крепкая духовная связь между Творцом и его творениями обеспечит быстрое развитие цивилизации и процветание человеческого общества.

Однако наивность и доброта первых разумных созданий всё чаще уступали место коварству и жестокости. Доминанту приходилось то и дело напоминать о своем существовании, призывать к соблюдению правил общежития – заповедей и даже сурово наказывать.

Люди слишком часто вели себя неразумно, были беспечны и недальновидны. Стремилась к удовольствиям, страдали от излишеств, не заботились должным образом о потомстве. Большая часть населения не только не приняла заповеди Создателя, но даже не верила в существование его самого, полагая свое происхождение от весьма похожих на людей экзотических животных планеты.

Для спасения цивилизации Доминант предпринял небы-

валую акцию: представил людям свою сущность в виде идеального человека и провел тридцать три оборота планеты вокруг центрального светила в человеческом обществе, проповедуя любовь человека к человеку и всех людей к своему Создателю. Перенеся невероятные душевные и телесные страдания, покинул он землю, надеясь, что возродил в людях любовь.

Во время своего пребывания на земле неожиданно для себя обнаружил Доминант анатомическое отличие людей от образа Творца: на всех четырех конечностях его созданий оказалось по одному лишнему пальцу. Это весьма обеспокоило его, однако, поразмыслив, Доминант решил, что лишний палец дает людям, даже определенные преимущества, и ничего менять не стал.

Две тысячи оборотов после посещения людей Спасителем совершила планета вокруг светила, но необходимая эмоциональная связь с Создателем не выстроилась, землю потрясали локальные и всеобщие войны, ресурсы тратились на так называемый технический прогресс, губительный для окружающей среды. Развитие цивилизации привело к глобальной техногенной катастрофе, которая разрушила иммунную систему и наследственный механизм людей. Размножение на планете крайне агрессивных микроорганизмов приближало катастрофу...

* * *

В назначенный час члены Ученого Совета в оранже-

во-желтых одеждах заняли свои места у Золотых Ворот в восточной части Храма. На возвышение в центре Храма поднялась Веда в предельно простом наряде – алой короткой тунике, не скрывающей стройные ноги в колготках телесного цвета, с волосами, собранными в тугий пучок и перевязанными красной лентой. По закону общения с Разумом Вселенной женщина не могла находиться в Храме с распущенными волосами и оголёнными ногами. Чуть ниже на кольцевой площадке вокруг возвышения встали два священнослужителя в золотистых одеждах и высоких головных уборах.

Прозвучал мощный аккорд органа, возвестивший о начале доклада. Веда запела тихо, почти шёпотом, но акустика Храма доносила каждое её слово до слушателей, а чувствительные микрофоны передали сигнал в усилители и звуковоспроизводящие установки, расположенные на площади перед Храмом. Словно из небытия вступил оркестр, размещенный на балконе в западной части Храма.

И музыку, и стихи, которые, собственно, и представляли научный доклад, сочинила сама Веда, как делали это все ученые. Пульсировал, менялся ритм композиции, кружились в танце участники группы поддержки. Музыкальная композиция, и яркие зрительные образы, внушенные Ведой участникам священного обряда, увлекали, завораживали слушателей, рассказывая о том, что происходило на Земле миллионы лет назад. Присутствовавшие, включая тех, что собрались на площади, держа в руках зажжённые свечи, раскачи-

вались, подчиняясь музыкальному ритму.

Священнослужители, двигались по кругу навстречу друг другу, размахивая сосудами с благовониями, скороговоркой читали священный текст. Мелодия постепенно становилась громче, темп ускорялся. Танцоры на площадке, двигаясь во круг Веды, выписывали замысловатые фигуры и демонстрировали исключительную пластичность. Уже реальные цветочные волны, созданные усилием воли докладчика, рисуя абстрактную картину, бушевали под куполом Храма. Члены Ученого Совета, впадая в нирвану, раскачивались и хлопали в ладоши, притопывали ногами, не сходя с места...

* * *

Немало расстроенный Доминант отправился к Этимону.

– Великий магистр, – обратился он к своему учителю, – я не достоин быть демиургом, так как допустил ужасную ошибку, и цивилизация разумных существ, моих созданий, гибнет!

Этимон, однако, сразу усомнился в ошибке лучшего своего ученика и, сделав реверс во времени, обнаружил каверзу, устроенную Мемистором.

– Я так и предполагал, твоей вины здесь нет. Это тонкая диверсия моего бывшего ученика, завистливого и коварного, – сказал он Доминанту, – не меняя сущности твоих разумных созданий, он изменил направление их развития. Математическую основу Вселенной, как известно, составляет двоичная система счисления, такая же естественная, как «да

и нет», как свет и тьма, как добро и зло. Имея число пальцев, кратное двум, разумное существо, ещё не осознав её преимуществ, быстро приобщается к этой системе счисления, и его логическое мышление развивается сразу в нужном направлении. Добавив лишний палец, Мемистор нарушил анатомическое совершенство людей. Это оказало отрицательное влияние на развитие моторики, эмоциональность индивидуумов и, как результат, привело цивилизацию в тупик.

– Можно ли исправить, то, что произошло в моем мире?

– Увы, ты не добьёшься любви этих созданий, а без этого спасти людей невозможно, цивилизация их заканчивает свой путь на земле. Но мир, созданный тобой прекрасен, и можно заселить его новыми людьми, по образу нашему и подобию, как это было задумано тобой в самом начале.

* * *

Агония продолжалась три поколения, после чего популяция исчезла с лица планеты. Страдающие души после гибели их физических оболочек Доминант поместил в виртуально-духовную сферу для сохранения. Обратившись к созданному им миру, Доминант приготовил новую «закваску» сразу для нескольких тысяч разумных существ. Жесткий контроль качества исходного материала, чистейшие гены и хромосомы, тотальное наблюдение за излучением центрального светила – никаких всплесков, никаких мутаций!

Новая цивилизация оказалась жизнеспособной, в человеческом обществе царил любовь и доброта, люди проник-

лись бесконечной любовью и благодарностью к своему Создателю, а духовная связь с ним стала практически идеальной.

* * *

С центральной площадки из группы поддержки Веды несло: «Алилуйя!», зрители в храме и на площади расступились, образовав круги, где танцоры извивались, кружились и тоже кричали: «Алилуйя!». Достигнув наивысшего накала, композиция устремилась к завершению трагически прекрасными нотами оркестра и вокала Веды. Движения танцоров замедлились, священнослужители встали на колени, обратившись на восток...

Веда подняла правую руку вверх. И все четыре её пальца, тонкие, трепетные, стали источником нового всплеска эмоций. Столько страсти, нежности и вдохновения было в этом простом жесте прекрасной четырёхпалой женской руки, что эмоциональный заряд, воспринятый людьми на всей планете, выразившийся всеобщим восхищенным: «Ах!», обошёл её трижды. Члены Ученого Совета достигли состояния экстаза и перестали адекватно воспринимать окружающую действительность: связь с Разумом Вселенной состоялась.

Председатель Ученого Совета объявил об успешной защите диссертации Веды. Официальное информационное сообщение, было опубликовано на следующий день. В нём подтверждалась гипотеза Веды о существовавшей более миллиона лет назад земной цивилизации. В качестве причины её

гибели указывалась психическая и эмоциональная недоразвитость субъектов из-за лишнего, пятого пальца. Предмет, найденный Ведой, оказался условным эквивалентом материальной ценности невысокого достоинства, называемый монетой.

Надписи на монете были расшифрованы и гласили: «5 рублей, 1997 год, Банк России».

Влюбленная Маа

Завидный жених – Рыжий Господин Солнце!

Красота его – ослепляет.

Сила страсти – испепеляет.

Щедлость его не знает пределов – всех он одаряет своей энергией.

Раскинул Рыжий Господин Солнце необъятный шатер черного бархата, самоцветами украшенный. В центре сам поместился. Устроил смотрины для невест.

Десять прелестниц кружат вокруг него: смотри, выбирай!

Мера – самая быстрая.

Вена – самая загадочная.

Маа – самая юная.

Масэ – самая воинственная.

Фаэ – самая хрупкая.

Юпа – самая сильная.

Сана – самая красивая.

Ура – самая ловкая.

Непа – самая холодная.

Пела – самая скромная.

Кружатся в танце прелестные юные невесты под музыку Сфер, невидимый дирижер управляет оркестром, а балетмейстер определил каждой участнице свою роль в грандиозном спектакле, и каждая из них хорошо заметна на фоне

черного бархата шатра Рыжего Господина Солнце.

И пусть танец незамысловат, уж слишком однообразны движения, зато любую танцовщицу можно хорошо разглядеть и оценить. Спектакль может показаться утомительным и скучным, но что его протяженность, по сравнению с Вечностью, а скуки Рыжий Господин Солнце никогда не знает!

Вдруг налетел Огненный Принц из Крайних Пределов, выхватил из хоровода хрупкую Фаэ и исчез вместе с ней за границами шатра, только золотые и серебряные клочья разорванной одежды и слетевших украшений Фаэ продолжают кружиться, образуя пояс, внутри которого Мера, Вена, Маа, Масэ и в центре сам Рыжий Господин Солнце. И никто даже не вздрогнул, не бросился в погоню, не прекратились ни на мгновение танцы. Таков этот мир, таковы законы.

А Рыжий Господин Солнце только усмехнулся: «Какая разница, одной красоткой больше, одной меньше!» Вон у пределов его шатра еще две робкие прелестницы кружатся, боясь приблизиться, он даже имен их не узнал...

Самое же главное заключается в том, что выбор давно уже сделан! Сана, вот кому он отдаст весь пыл своей страсти, и она это знает, есть тому подтверждение: колечко, подаренное суженным. Жар ее сердца уже движется навстречу Рыжему Господину Солнце. Скоро, скоро запыхает Сана огнем, как и сам Рыжий Господин Солнце! И двинутся они навстречу друг другу, чтобы соединиться навсегда. А все остальные неповторимые и прекрасные, наивные в своем

неведении: Мера, Вена, Маа, Масэ, Юпа, Ура, Непа, Пела и даже две безымянные танцовщицы – станут жертвами – сгорят от безумной страсти Рыжего Господина Солнце и красавицы Саны, исчезнут в чёрной, всё поглощающей воронке, которая придет на смену двум соединившимся Светилам. Это предопределено. Рождение новой Белой Госпожи Звезды, или Огненного Господина Солнце, а может быть, множества Светил или целой Вселенной, кто знает! – происходит через всепоглощающую темноту и безвременье! Таковы законы этого мира.

А пока танцовщицы легко и изящно выстраивают фигуры танца, спектакль продолжается. Вот Маа, синей влагой взгляда своего, горными пиками ресниц привлекает благосклонное внимание Рыжего Господина Солнце. Маа уверена: только она по-настоящему влюблена в Рыжего Господина Солнце, и он это заметил! Мурашки по коже...

«Разрушены поселки и города на побережье Индии и Таиланда. Целый остров в океане стал необитаемым. Число погибших от цунами достигло ста тысяч человек...»

Из сообщений средств массовой информации.